
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Олег Яковлев
(г. Орск Оренбургской обл.)

УВИДЕТЬ МОРЕ

Родился 2 марта 1945 г. в г. Шуе Ивановской области. С 1957 года проживает в г. Орске Оренбургской обл. Прослужил на Северном флоте 10 лет на атомных подводных лодках. Первые публикации начались на службе в 1967 году. Печатался в столичных газетах и журналах. Участник нескольких коллективных сборников, вышедших в издательстве «Золотая аллея» г. Калуга. Там же вышел в свет сборник стихов «Врачующее время». Недавно издана книга стихов и прозы «Возвращение». С 2000 г. член Союза писателей России.

Колеса гулко отстукивали свой извечный дорожный ритм, который действовал на них своим умиротворяющим однообразием. А за окном вагона проплывал до боли знакомый пейзаж: сосны, березки, будки путевых обходчиков да синие отблески бесконечных озер Карелии. Они задумчиво провожали взглядами экспресс «Полярное сияние», везущий на большую землю разношерстный люд. Здесь были, в основном, спешащие в отпуск моряки, горняки и нефтяники.

Павел и Елизавета Смирновы сидели у окошка и молча пили принесенный проводницей чай. Павел, не отрывая взгляда от проплывающего пейзажа, время от времени едва касался губами стакана с почти остывшим чаем, а Елизавета изучающее и с тревогою вглядывалась в худошавое, бледное лицо мужа.

Несмотря на свои 48 лет, это был уже почти седой, с поредевшими волосами мужчина. Резкие, глубокие морщины опускались от крыльев прямого носа к уголкам рта, да три глубокие борозды совсем по-старчески пролегли вдоль лба, придавая Павлу вид глубоко уставшего человека. Елизавета же, в противоположность мужу, была женщиной, как это говорили раньше, дородной и моложавой. Ее круглое, с красивыми, голубыми глазами лицо выражало доброту и жизнерадостность, и только где-то глубоко во взгляде таилась тревога и тихая печаль. Несмотря на разницу во

внешнем облике, супруги были почти одногодки. Но, видимо, жизнь распорядилась по-своему, ведь у providения свои непреложные законы.

Так получилось, что восемь лет назад один из сослуживцев Павла уговорил его подписать контракт на одно из предприятий в заполярье и уехать туда работать. Благо, польститься было на что. Невиданная для большой земли зарплата сулила все жизненные блага. И, что не маловажно, предоставлялась служебная жилплощадь.

— Ну, что ты все молчишь, Павлуша? — тихо спросила Елизавета и нежно тронула мужа за руку.

— Я вот сейчас вспоминаю,— вздохнул Павел,— как ты отговаривала меня от всей этой затеи с контрактом.

Елизавета с грустью покачала головой:

— Не надо сейчас об этом, дорогой. Сейчас надо думать, как жить дальше будем. Лечиться бы надо, прежде всего! Радиация, будь она неладна,— сокрушенно вздохнула женщина и смахнула со стола невидимые крошки. Муж вздохнул и молча ответ взгляд на мутное окно.

— А деньги, что? Здоровье не купишь,— добавила женщина.

— А ладно тебе, не причитай, ради Бога! Хорошо бы вина какого сейчас...

— Помнишь, что тебе врачи советовали? Только красного! Оно действие радиации смягчает,— улыбнулась Елизавета и участливо посмотрела в глаза мужа.

— Тогда я сбегаю в вагон-ресторан,— Павел поднялся и, поцеловав жену в щеку, вышел из купе.

Елизавета достала большую дорожную сумку и, задумчиво перебирая снесь, вспомнила тот далекий день, когда они впервые оказались на Кольской земле. Как она стояла в ожидании около трехэтажного серого здания заводоуправления, куда зашел Павел, и как ей показались долгими те полчаса, через которые он вышел с ключами от служебной квартиры. А потом они всю дорогу радовались, что все прошло довольно быстро и без проволочек, когда не спеша, шли к автобусной остановке, и когда долго ехали по хмурому, осеннему Мурманску. В отделе кадров Павлу сказали, что сейчас большая текучка и людей катастрофически не хватает, поэтому уже через два дня надо выходить на работу.

Квартира была на втором этаже и оказалась однокомнатной маломеркой с потрешанными обоями и грязно-желтым потолком. Здесь витал застарелый табачный дух и запах старой, рабочей одежды, сваленной прямо на полу, в правом углу комнаты. Из мебели здесь были обшарпанный обеденный стол с пепельницей полной окурков и мутным, заляпанным графином. У стены притулился продавленный посередине диван. Два деревянных стула стояли у окна, мутные стекла которого подслеповато смотрели на небольшой двор, окруженный хрущевскими пятиэтажками. На крохотной кухоньке стоял допотопный посудный шкаф, за стеклом которого просматривалась кое-какая посуда. На заляпанной газовой плите стоял старый эмалированный чайник и чугунная сковорода с заплесневевшими остатками какой-то еды. Рядом с плитой притулился кухонный столик, а к нему жалась три расшатанных табуретки. По всему было видно, что здесь жил одинокий, курящий мужчина, которому не было никакого дела до чистоты и уюта.

Воспоминания Елизаветы прервал вернувшийся Павел. Поставив на стол бутылку вина, он вынул из кармана небольшую коробку конфет и протянул ее жене:

— Смотри, Лизонька, ты как раз такие любишь! Не думал, что здесь может быть «птичье молоко». Елизавета тепло улыбнулась и поцеловала мужа в щеку:

— Спасибо, милый! На столике уже красовалась жареная курица, несколько вареных яиц и свежие огурцы.

Елизавета, бросив на верхнюю полку взгляд, вопросительно посмотрела на мужа. Их единственная соседка по купе, пожилая и очень худая женщина, лежала и безуча-

стно смотрела в окно, время, от времени простужено кашляя в мятый носовой платок. Павел кивнул и, поднявшись со своего места, обратился к женщине:

— Простите, мы тут собираемся слегка перекусить. Не желаете ли присоединиться к нам?

Женщина виновато взглянула на Павла:

— Спасибо большое, но я перед отъездом пообедала дома и пока не голодна. Вы кушайте, не обращайтесь на меня внимания. Извините...

Павел пожал плечами и сел за стол. Налив по полстакана вина, он взглянул на жену:

— Все будет хорошо, родная, не переживай. Отдохну немного, окрепну, а там, глядишь, «Бог не выдаст»...— Он выпил и, прерывисто вздохнув, отломил кусок курицы. Елизавета лишь слегка пригубила вина из стакана, и теперь молча смотрела на мужа.

— Надо же,— проговорил Павел,— восемь лет прожили у самого моря, а искупаться так и не довелось. Обидно, знаешь ли...

— Да, в такой водичке не искупаешься... Север, он и есть север! — согласилась Лиза.— Ну, да ничего, в Оренбурге на Урал будем ходить купаться. Вода — она везде мокрая...

— Везде, Лизушка, да не везде,— возразил Павел.— Я всю свою жизнь, с детства мечтал искупаться в Черном море! Знаешь, чтобы прибой шумел, чайки, понимаешь, кричали! А ты ныряешь прямо под волну! Солнце, тепло, и даль такая, что дух захватывает! А ты говоришь Урал... Сказал и вздохнул: — Да уж, видно, не судьба теперь...

Павел уже давно спал, отвернувшись к стенке и подложив ладонь под щеку, а Елизавета все сидела, с грустью глядя, то на мужа, то на окно, за которым сгушались вязкие, холодные сумерки.

И вновь всплыли воспоминания. Они, словно кадры бесконечного фильма, поплыли перед ее мысленным взором.

— Да, квартирка, конечно, не подарок, но жить придется именно здесь,— Елизавета примиряюще улыбнулась, быстро переоделась в домашний халат и с воодушевлением принялась за уборку.

Павел обнаружил в чулане кое-какие инструменты и занялся починкой расшатанной мебели.

— Лизушка, мы потом обязательно ремонт сделаем. С первой полочки купим все необходимое и превратим эту квартиру в уютное гнездышко.

Два дня в заботах по ремонту квартиры пролетели незаметно. С направлением из отдела кадров Павел пришел в управление судоремонтной верфи и приступил к работе крановщиком в ремонтной бригаде. Бригада, куда он был направлен, в первый день встретила новичка сдержанно.

— Надолго к нам? — спросил коренастый и почти лысый мужчина в замасленной спецовке.

Павел пожал плечами.

— Контракт подписал на пять лет, а там посмотрим,— ответил он и пожал протянутую, крепкую ладонь.

— Николай,— представился мужчина,— бригадир! А это,— он повел рукой в сторону нескольких мужчин, играющих в домино за большим металлическим столом,— мои бойцы! Потом познакомьтесь поближе. Давай-ка присядем,— указал Николай на длинную скамью у стены небольшого помещения, освещенного лампами дневного света, и без единого окна. Вдоль стен стояли стеллажи с различными деталями, ящиками с болтами и какими-то приборами, назначения которых Павел пока не знал.

— Чем мы тут занимаемся, представление имеешь?

— Мне сказали, что демонтируете на кораблях оборудование.

Бригадир усмехнулся:

— Ну, это слишком мягко сказано. Мы демонтируем ядерные реакторы на ледоколах и подводных лодках.

Павел удивленно приподнял брови и посмотрел на собеседника.

— Да, вынимаем из реакторов отработанные урановые стержни и устанавливаем новые. Ты думаешь, почему у нас такая текучка? Да у многих просто нервы не выдерживают. Знать, что в любую минуту можешь получить изрядную дозу облучения, и продолжать спокойно работать может далеко не каждый!

— А ты-то сам как? — спросил Павел.

— А я уже пять лет здесь и свою порцию радиации давно получил. Конечно, в пределах допустимого... Так что,— бригадир положил свою ладонь на колено Павла,— я просто обязан тебе это сказать. Пока еще есть возможность, и ты можешь передумать, и уехать отсюда.

Павел отрицательно покачал головой:

— Да нет, раз уж приехал, то отступать не буду. Ты вот работаешь, и ничего...

Николай усмехнулся:

— Это пока «Гром не грянул» — всякое может случиться... Малейшая ошибка, или стечение обстоятельств, и авария обеспечена! А при аварии происходит мощный выброс радиации. Тогда сам понимаешь... Ты как мужик должен понимать, чем рискуешь. Дети то есть?

— Сын! Уже взрослый!

— Ну, смотри сам, друг!

Глядя в вагонное окно, Павел вспоминал пророческие слова бригадира. Но нет, он не упрекал себя и ни о чем не сожалел, потому что к жизни своей относился со смиренной стойкостью. Потому что всегда, насколько он себя помнил, готовился к худшему варианту событий. И если это худшее приходило, он уже был готов принять его, и от этого оно не становилось неожиданным. И тем радостнее был благоприятный исход, пришедшая удача. Хотя, надо признать, эта капризная дама редко баловала его своими визитами.

Павел полагал, что все неудачи и трудности только закаляют человека, его душу, делают не таким восприимчивым к внутренней боли, а тем паче, к мелким неурядицам. Но на этот раз судьба не пожалела его, и удар был жестким и безжалостным!

Поначалу все шло хорошо. Год сменялся за годом, Павел прочно влился в рабочий коллектив, в ежедневный трудовой ритм. Они вскрывали корпуса кораблей, демонтировали испорченное, отработанное или устаревшее оборудование и устанавливали на его место новое. Самыми опасными были моменты, когда приходилось откачивать «тяжелую воду» из реакторов и производить замену урановых стержней.

И вот совсем недавно, около трех месяцев назад, случилось то, чего все так опасались. Произошла небольшая авария, последствия которой оказались весьма тяжелыми... Несколько человек получили дозу облучения, намного превышающую предельно допустимую норму.

Павел с трудом стал просыпаться по утрам. Ему в это время казалось, что он выкарабкивается из глубокой, вязкой трясины небытия. В голове, словно черви, копошились неясные образы, осколки сновидений. И никак не получалось единой, четкой картинки увиденного. Такие сны и пробуждения повторялись изо дня в день вот уже которую неделю. И это было настоящей пыткой. Становилось невыносимым, когда ты каждый вечер со страхом ждешь наступления сна.

Елизавета с тревогой наблюдала за пробуждением мужа. Она видела и чувствовала его страдания, мучилась от этого не меньше супруга и проклинала себя за бессилие перед свалившейся бедой.

Наконец Павел окончательно проснулся и сел.

— Ну, ты как, Павлуша? — спросила она и пытливо посмотрела в его глаза.

— Да все хорошо, ты не волнуйся, милая. Чай будем пить?

— Конечно! Проводница уже разносит,— улыбнулась Елизавета,— иди пока умойся.

Павел шел к умывальнику. Он чувствовал с каждым днем усиливающееся головокружение и предательскую слабость в ногах. Он понимал, что этот недуг уже никогда не остановить, не вылечить. В реабилитационных центрах могут лишь слегка поддержать жизненный тонус.

Денег, которые он заработал, хватит на несколько месяцев мучительной жизни. Но Павел знал, что именно столько ему осталось жить. Он физически ощущал, как силы вялым ручейком вытекают из него и земля, как губка, впитывает их. Но и пасть духом он не хотел. Это бы его окончательно убило. Вот только Лизу жалко. Он четко осознавал, как ей будет трудно с ним.

Время в дороге летит незаметно. Пересадка в Москве прошла спокойно, без суеты. Через сутки с небольшим поезд подошел к Оренбургу. На вокзале встречал сын Сергей. Это был мужчина крепкого телосложения 27 лет от роду. Его строгий, деловой костюм и аккуратная прическа с гладко зачесанными назад волосами, придавали ему деловой вид солидного человека. Работал он директором одного из городских автосервисов, и на привокзальной площади родителей ожидал серебристый «Мерседес» сына.

Елизавета первая увидела сына:

— Сереженька, мы здесь! — крикнула она, спустившись на перрон. Сергей взмахнул рукой, подбежал к родителям и сначала нежно обнял мать, расцеловав ее в обе щеки, а затем крепко, по-мужски обнял отца.

— Ну, как доехали? — спросил он, с тревогой всматриваясь в отцовские глаза. Он знал о свалившемся на их семью несчастье, и что болезнь родителя неизлечима.

— Слава Богу, сын, доехали хорошо,— улыбнулся Павел,— а вы сами-то как здесь поживаете, что новенького?

— Все потом, папа, все потом. Поехали скорей домой!

Прошло три дня и, как предписывали мурманские доктора, Павел отправился на прием к врачу в областную клиническую больницу. Его долго обследовали, взяли все, что надо для проведения анализов и, когда Павел вновь явился в знакомый кабинет, пожилой врач, хмуро ответив на приветствие, предложил пациенту сесть на кушетку.

После того, как Павел уселся на предложенное место, врач встал и, подойдя к нему вплотную, снял очки:

— Ну, что я могу сказать, дорогой мой? Плохи наши дела!

Павел кивнул:

— Я знаю, доктор!

— Понимаете, товарищ Смирнов, ваша кровь претерпела сильные изменения. Сами должны понимать, в какую сторону... Даже полное переливание ничего не даст. У вас облучена каждая клетка организма, все важные органы! — доктор потер ладонью висок: — Вам необходимы реабилитационные мероприятия, хорошее белковое питание, и, главное, душевное равновесие! Я понимаю, что это очень нелегко для вас. Но, жизненно необходимо! Понимаете?

Павел кивнул:

— Понимаю, доктор! Я давно настроен на самое худшее и ничему не удивляюсь! — он грустно улыбнулся: — Сколько мне осталось? Говорите прямо!

— Даже думать об этом запрещают! — врач нахмурился, и его ладонь решительно рассекала воздух,— мы только что говорили об этом! Выбросьте из головы всякое

уныние и панику. Вы так убьете себя раньше времени. Вы мужчина и должны бороться! Сейчас я выпишу для вас необходимые лекарства и направление в реабилитационный центр. Поедете в Свердловск! Там есть хорошие специалисты в этой области.— Павел молча слушал врача и машинально кивал головой.— И вот еще что, Павел Геннадьевич, передайте своей жене, пусть завтра обязательно зайдет ко мне. Я дам некоторые рекомендации по уходу за вами.

На другой день Елизавета узнала от врача страшную новость. У Павла рак и жить ему оставалось совсем немного. Единственное, что можно сделать для продления его жизни — это интенсивная терапия, внутренний покой и чистый воздух. А на Урале есть прекрасные места, что бы соблюсти все эти условия.

Павел чувствовал, что силы постепенно покидают его некогда здоровый и, как ему казалось, негибемый организм. Среди знакомых и друзей он всегда слыл таким здоровым весельчаком, которого даже насморк не берет. За всю свою трудовую жизнь Павел ни разу не был на, так называемом, «больничном». И вот теперь это состояние неожиданно изменилось. Наступала гнетущая апатия и обволакивающее безразличие ко всему. А еще — постоянная, изнуряющая боль, исходящая из середины груди. Все дальше и дальше расплзалась она и проникала во все клеточки еще не старого, сопротивляющегося болезни тела. Приступы боли лишь на время утоляли выписанные по «красным рецептам» лекарства. Но страшнее этих приступов было возникающее у Павла безразличие к самому себе.

Елизавета, видя страдания мужа, как могла, поддерживала его. Все время старалась приготовить что-нибудь вкусное, украшая по-праздничному каждое блюдо. Павел благодарно улыбался и старался попробовать все, что приготовила для него жена. Но аппетита не было, и он с трудом проглатывал пищу, боясь обидеть супругу отказом. Ведь она, бедная, так старается для него.

Павел лежал, отвернувшись к стене, когда подошла Елизавета и, нежно поцеловав мужа в щеку, тихо сказала:

— Павлуша, там Сережа пришел, пошли на кухню, чай будем пить. Я и печенья напекла.

Они сидели втроем на светлой, уютной кухне и прихлебывали густой, ароматный чай.

— Папа, когда думаешь в Свердловск ехать? — озабоченно спросил Сергей.

— Я даже не знаю,— пожал плечами Павел,— как-то не думаю об этом,— неожиданно заявил он.

Елизавета с удивлением взглянула на мужа:

— Как это не думаешь, Павлик? Мы же с тобой еще вчера все решили!

— Папа, несерьезно получается! Направление тебе выписали, дома все решили. А ты на попятную?

— Вы же знаете, что сказал врач. Свежий воздух и спокойствие! — проговорил Павел.— А самый чистый и полезный воздух может быть только у моря! Павел взглянул на жену: — Мы же говорили с тобой об этом в поезде, помнишь? Я ни разу в жизни не купался в море. На севере, знаете, не поплескаешься... Я знаю, мне там будет хорошо, честное слово.— Он приложил ладонь к груди и умоляюще взглянул на родных.

— А что, мама, может отец и прав! А санатории есть и на Черном море. В Краснодарском крае... Я бы сам с удовольствием поехал, да работы много, знаете.

— Да ведь далеко туда ехать, Павлуша! Осилишь ли?

Павел пожал плечами, а сын заметил:

— Так самолетом можно! Раз-два, и на месте!

— Да, самолетом, оно быстрее будет,— согласился отец, а Елизавета, прижав ладони к груди, воскликнула:

— Ой, всю жизнь боялась летать! Ну, да что поделаешь...

На том семья и порешила! На следующий день Елизавета навестила доктора и тот, поколебавшись, дал свое согласие на поездку к морю. Правда, заметил, что в тамошние лечебные заведения направления дать не может, и посоветовал обратиться в облздравотдел. Но дома, собравшись снова вместе, решили больше никуда не обращаться, а определиться уже на месте прибытия.

Павел засыпал трудно и мучительно. Его сознание то прояснялось, то проваливалось в черную пустоту. Наконец, уже под утро, заснул окончательно. Ему снился морской берег с девственно чистым песком и высокими пальмами. А над шумным прибоем парили чайки. Но, странное дело, чайки были черными. Они пронзительно кричали и пикировали на Павла, норовя клюнуть его в голову. Он в бреду метался по подушке и громко стонал. Лицо покрыла липкая, холодная испарина.

— Павел, Павлуша, проснись,— Елизавета испуганно трясла мужа за плечо и слезы невольно застилали ее взгляд. Павел открыл глаза, и некоторое время бездумно разглядывал потолок.

— Милый, что с тобой, сон нехороший увидел?

Муж повернул голову и посмотрел на жену:

— Все хорошо, Лизушка, но сон, действительно, какой-то странный, море и черные чайки! Они прямо атаковали меня!

— Ой, не к добру это, родной! Может, не поедем, а то предчувствие у меня нехорошее...

— Не переживай ты так, все будет хорошо!

Новороссийск ослепил их ярким солнцем и июньской жарой. Чувствовалась близость моря, воздух был влажным и густым. Прямо от аэропорта Павел с Елизаветой прошли на автобусную остановку. Еще в самолете они познакомились с женщиной, возвращающейся домой из Москвы. Она и подсказала им, куда следует ехать, чтобы можно было отдохнуть и вволю накупаться. В самом Новороссийске место для спокойного отдыха найти довольно трудно. Вся прибрежная зона занята портовыми и хозяйственными постройками, лодочными станциями. Да и вода по всему новороссийскому побережью не очень пригодная для купания.

Она подсказала, что ехать надо в Геленджик, а уж из него в небольшой рыболовецкий поселок. Добраться в Геленджик из Новороссийска, а затем из него до поселка можно на автобусе.

— А в поселке вы легко снимите комнату для проживания, и возьмут с вас немного: бархатный сезон еще не наступил,— объяснила женщина и пожелала супругам счастливого отдыха.

В рыбацкий поселок Смирновы добрались к вечеру. Небольшие двухэтажные домики вытянулись вереницей вдоль побережья Черного моря. У нескольких деревянных пирсов раскачивались сейнеры, лодки и катера. На берегу между вкопанных столбов сушились рыбацкие сети. Первая, из встреченных ими женщин, с готовностью указала на дом, в который следует обратиться, что бы снять комнату.

— Сейчас мало приезжих,— сказала она,— а вот в конце июля и в августе от отдыхающих отбоя не будет! Сами понимаете — самый разгар дыхательного сезона! Она так и сказала «дыхательный».

На стук в дверь вышел крупный мужчина в обвисшем трико и серой заношенной майке. Мгновенно смекнув, что к чему, он обернулся и крикнул:

— Мария, иди гостей принимай! — и, протянув Павлу широкую, шершавую ладонь, представился:

— Василий. Надолго к нам?

Елизавета назвала себя и, вздохнув, ответила:

— Недели на две — не больше!

В дверях показалась высокая, худощавая женщина лет сорока, одетая в просторный пестрый халат.

— Да что же вы стоите в дверях-то? Васька, ты чего гостей моришь? Проходите, проходите скорей. Чай, умаялись с дороги-то...

Квартира была на первом этаже и состояла из четырех комнат, кухни и душевой. Хозяева оказались на удивление хлебосольными и добрыми. По всему было видно, что принимать неожиданных гостей им не впервой. Мария деловито захлопотала на кухне, и вскоре на столе появился большой медный самовар, ваза с плюшками и большая сковорода с жареной рыбой. Кухня была довольно большая, и все свободно разместились вокруг старого, полированного стола.

Выслушав печальную историю Павла, хозяйка сокрушенно покачала головой:

— Вот вам и прогресс, чтоб ему пусто было! Знаете,— сказала Мария, расставляя посуду на столе,— после Чернобыля здесь много народу перебивалось! И все отсюда уезжали довольными. Не знаю уж, как потом складывалась у них жизнь, но две недели морского воздуха и купания в море делали свое дело! Загорелые и бодрые, все благодарили за отдых. Некоторым даже уезжать не хотелось. Даже завидовали нам. А что нам завидовать? Море — как море, воздух — как воздух. По-нашему, так ничего особенного. Конечно, с городом не сравнить. В прошлом году была в Самаре, там моя двоюродная сестра живет, так у меня, после приезда, от городского воздуха голова несколько дней болела. Ох, тяжело там дышится! И как вы всю жизнь в городах живете?

— Хватит тебе тараторить,— вмешался Василий. И, обращаясь к гостям, спросил: — Как насчет домашней настоечки? Из винограда сами делали! — Сказал и хитро улыбнулся. Павел крикнул в кулак и посмотрел на жену. Елизавета смущенно улыбнулась: — Разве что, по чуть-чуть...

Мария с готовностью встала и, достав из шкафчика большую бутылку золотистого напитка, торжественно водрузила ее на стол!

Спать легли довольно поздно. Время за разговорами летит незаметно. Павел чувствовал, что смертельно устал, кружилась голова. Но не от настойки. А от непривычного, насыщенного йодом воздуха. Мария предупредила, что дня три-четыре голова покружится, пока организм привыкнет, акклиматизируется. Так было и в Заполярье. Там акклиматизация проходила месяца три. Долгая полярная ночь нарушала ход биологических часов, и Павел в первое время путал день с ночью. Но потом — ничего, привык!

На другой день, утром, захватив покрывало и кое-какую снедь, Павел с Зинаидой направились на пляж. Идти пришлось недолго. Метров через двести они оказались на небольшом пляже с чистым, золотистым песком, окруженным отвесными каменистыми уступами.

— Ну вот, а ты говорил — «пальмы»! — разочарованно проговорила Елизавета.

Павел оглядел окружающий пейзаж и махнул рукой:

— Ничего! Главное, море! Смотри, какая красота!

Насколько хватало взгляда, простиралась безбрежная, синяя равнина. Волны одна за другой мерно, неторопливо накатывались на берег и так же плавно и безмятежно отступали назад. Белые, пышные барашки красиво обрамляли их величавый покой. Пронзительно кричали чайки. Некоторые из них время от времени стремительно пикировали и ныряли в воду, и уже с добычей взмывали вверх. В лучах яркого солнца в их клювах серебристо поблескивала рыба и, в то же мгновение, исчезала проглоченная вечно голодной и прожорливой птицей.

— Лекарство, шприцы не забыла? — спросил Павел, расстилая на песке покрывало.

— Взяла, Павлик, ничего не забыла! — ответила Елизавета, расстегивая на дорожной сумке молнию. Едва расстелив покрывало, Павел тут же лег и раскинул руки.

— Павлуша, ты хоть бы разделся, жара то какая!

— Да, да, сейчас,— пробормотал Павел,— только полежу с минутку. Елизавета села рядом с мужем:

— Ну, ты как? Болит? Павел взял руку жены и положил себе на грудь:

— Вот здесь! Жжет — сил нет!

— Может, укол сделать?

— Пока не надо! Пошли, Лизушка, искупаемся!

Они разделись и, взявшись за руки, медленно пошли к прибою. Море тепло и ласково приняло их в свои объятия. Они долго шли по мелководью, пока вода не коснулась их подбородков. Потом поплыли рядом.

— Представляешь, Паша, я в первый раз купаюсь в море,— задыхаясь от наслаждения, крикнула Елизавета.— Как легко плыть, я будто похудела на несколько килограммов!

— Я тоже в первый раз! И почему только я выбрал Заполярье? А легко плавать, потому что много соли в воде. Переворачивайся на спину, раскинь руки и лежи.

Они лежали на воде и, прищурившись, смотрели на чаек, на редкие ослепительно белые облака. Говорить ни о чем не хотелось, а только лежать, прислушиваясь к умиротворяющему шуму моря и к биению собственных сердец. Казалось, что сердца бьются в такт этому мирозданию и в унисон самой вечности. Утомившись, они, наконец, вышли на берег. Елизавета чувствовала необыкновенный прилив сил. Тело еще молодой женщины наполняла энергия, и, как деревце, тянулось к солнцу, к жизни! Павел же чувствовал внутреннюю опустошенность и апатию. Да нет, море и ему придало сил и, в какой-то мере он был даже счастлив, что, наконец, сбылась его давняя мечта, и он увидел теплое море, почувствовал его.

Елизавета села на покрывало, а Павел лег головой на ее колени. Боль в груди, затихшая на время, пока они плавали, разгорелась с новой силой. Елизавета взглянула на изменившееся лицо мужа, с тревогой склонила над ним голову, и бережно провела ладонью по его волосам.

Какая-то птица, пронзительно крича, низко пролетела над ними. Елизавета вздрогнула и подняла голову. Эта была черная птица! Та самая, которую Павел видел в недавнем сне. Услышав крик птицы, он тоже приподнял голову, и, широко открыв глаза, взглянул на море, отблескивающее водной поверхностью в лучах дневного солнца:

— Хорошо-то как, Лизушка,— еле прошептал, Павел закрыл глаза.

— Почему так много чаек? — подумала Елизавета, увидев, как кричащие и стоющие во весь голос птицы, в хаотическом полете заполняют собой пространство неба над их головами. Внезапно налетел резкий порыв ветра, прибой вздыбился, и море, сердито покотив свои волны на песчаный берег, с шумом омыло соленой шипящей пеной ноги одиноко лежащих людей. Но ничего этого Павел уже не услышал и не почувствовал.

Сергей Прохоров
(Нижний Ингаш Красноярского края)

ПОКУДА НИТЬ ЖИВА

Сергей Прохоров — член Международной Федерации русскоязычных писателей, автор 11 книг стихов и прозы. За вклад в русскую словесность, национальную культуру награжден орденом «Культурное наследие». Живет в сибирском таежном поселке Нижний Ингаш.

РАЗУМОМ И МОНЕТОЙ

Как в плотную массу дрелью,
Всверляемся в жизнь жестоко,
Истачиваясь и мудрея
До крайности и до срока.
И чтобы не уболтала
Нас жизнь дорогой этой,
К ней крепимся, как болтами,
Кто разумом, кто монетой

В ДОМЕ У СТАРОГО БОБЫЛЯ

Пахнет в доме дымом и мочой,
Скисшею капустой, потрохами,
Местным диалектом: «Мы ничо?
Жисть у нас таперя не плохая».
Добродушный милый старичок
За рукав к столу меня потянет,
Вытрет стол застиранной портянкой
Хлебушко нарежет и лучок.
Самогона мутного плеснет
В серые немывтые стаканы...
И про «жисть» свою опять начнет,
И за печкой стихнут тараканы.

МЫ

Из прошлого, из опыта, из дум
Мы состоим,
Мы любим очень быструю езду,

Когда стоим.
Мы груз Вселенной держим на плече,
Когда вдвоем,
Мы строим дом из милых мелочей
И в нем живем.
Мы — это ты и я, и он, и все,
Кто влет без крыл,
Кто босиком по утренней росе
Себя открыл.
Не заплутал средь снеговых порош,
Кромешной тьмы.
Наверно, этот мир тем и хорош,
Что в нем есть мы
Из прошлого, из опыта, из дум,
А прочих — прочь!..
Мы любим очень быструю езду,
Когда невмочь.

* * *

Не возьму я только
Себе в толк:
Как прожить и долго,
И не в долг?
И себе чтоб в радость,
И другим,
И чтоб жить как надо?..
А долги —
Все: свои, чужие —
Все одно
Брать их нам у жизни
Суждено.

ТАЙГА В АПРЕЛЕ

Смола расплавилась на солнце,
Скользнув по панцирю ствола,
И стало радостно на сердце
От горько-хвойного тепла.
Я глажу ствол шершаво-липкий,
Сквозь крону небо отыскав,
Откуда лились солнца блики,
Тайгу апрелем обласкав.
Еще в тени белеют горки —
Зимы минувшей талый лед,
Но этот запах хвойно-горький,
Как самый сладкий майский мед.
И мнятся ночи грозовые,
Дождей весенних апогей...
Сегодня я в тайге впервые,
Хотя всю жизнь живу в тайге.

ВЕСНА

Ручеек под снегами потек
От избытка небесного света.
Поставляет Весну на поток
Золотая от солнца планета.
Жмурясь, смотрит на небо пацан:
Сколько света! — В глазах заискрило.
От небесных глубин до лица
Шлет тепло золотое Ярило.

А НЫНЧЕ, ТАК И БЫТЬ УЖ, ПОМОЛЮСЬ

Как лягу спать, так молодость приснится:
Вдвоем с любимой в лодочке плывем,
А просыпаюсь — ноет поясница,
И надо к терапевту на прием.
От листопада и до снегопада,
От светлых зорь до жуткой темноты
Живем с тобою мы в стране распада,
Где строят и минируют мосты.
Не всяк идущий путь земной осилит:
Кто половину, ну а кто лишь треть...
А матушка одна у нас, Россия,
За всеми нами ей не усмотреть.
Я перед сном молиться не приучен,
А нынче, так и быть уж, помолюсь,
Чтоб под небесным светом без излучин
Не распадалась, но крепчала Русь.

КАЮСЬ

Когда я каюсь, а я редко каюсь
(Не потому, что редко я грешу)
Душою будто к небу прикасаюсь,
Руками будто тучи развожу.
И на душе становится теплее,
И на земле становится светлей,
И кажется, весь мир ко мне добрее,
И кажется, что к миру я добрей.
И все вокруг: поля, река и чащи —
Становятся вдруг ближе мне вдвойне.
Наверно, надо каяться нам чаще,
Чтоб было больше светлых в жизни дней.

БОГАТСТВО

Жизнь подытожив,
Обещаю
Не ныть отныне.

Всем, кому должен,
Я прощаю
Долги земные.
Свое ж богатство,
Что скопил я
(Скопил — не слопал),
Раздам и — «баста!»
Разбив копилку
С размаху об пол.
Медь разлетится
Рублевым звоном,
Скатясь, за щели.
Обогатиться
Вам даром оным —
Душу защемит.
Сосед заметит —
И справедливо
Похмельным гласом:
Две горсти меди
Как раз на пиво,
На пиво с квасом!

НА ТРАССЕ ИНГАШ — КРАСНОЯРСК

Морозы под сорок. Снега ж —
С утра для лопаты работа...
На краешке края Ингаш —
В край дивный сибирский ворота.
Поселок в две мили длиной,
А щедрость его не измерить.
Вас встретит здесь дух смоляной,
И песня откроет вам двери.
Кто здесь побывал, тот не раз
Припомнит звучание музы...
По трассе Ингаш — Красноярск
Снуют без конца большегрузы.

КОЕ-ЧТО О ЗВЕЗДАХ

Как по краешку неба по жизни шагаю
И судьбе предлагаю пари,
И погасшую в небе звезду зажигаю,
А она, хоть умри, не горит.
Сколько тлеющих звезд
на российских просторах,
На обочинах жизненных тризн...
Горевать о несбывшемся — дело пустое,
Несерьезный минутный каприз.
А звезда, что упала и тут же сгорела —

Это просто Вселенский маневр.
И, порой, не до звезд, если делаешь дело.
Если день обнажен словно нерв.
Как по краешку неба по жизни шагаю —
Восхищен, укрощен, обречен,
И погасшую в небе звезду зажигаю,
И сгораю под звездным лучом.

ПРО СНЕГИ И ПРО СТЕНЬКУ

Когда припрет подумать о душе, то
Припомнятся, как гимн издалека
Слова из песни Жени Евтушенко
Про «снЕги» и про Стеньку казака.
Прочтенье книг, как бы прочтенье жизни
Чужой, своей с началом и концом...
Все, что приходит к нам — приходит извне,
Чтоб утвердиться в ней душой, лицом.
Душа всегда бессмертия хотела
В небесной Богу ведомой дали...
А голова у Стеньки отлетела,
И снЕги идут в небо от земли.

* * *

Путник, ты ногами пошевеливай
И не жди у времени попуток
На пути, где запах можжевельный
Сладко тонет в раннем крике уток.
Хорошо шагать, когда шагается
По лесной тропинке в роще, по лугу...
Ну, а мне опять с ногами маяться,
И втирать в них все, что только под руку.
Ну, а мне бы в дождь лицом под тучкою,
Ну, а мне б в объятья ветра пьяного...
Путник, ты возьми меня в попутчики,
Оторви от кресла окаянного!

Лебедев Сергей
(г. Тольятти)

«ОТЧЕ НАШ...»
Поэма

Лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Лауреат премии «Левша» журнала «Приокские зори», г. Тула в жанре поэзии за 2012 год. Дипломант 4-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей» им. Н. М. Рубцова.

*Иеромонаху Митрофану (генерал-лейтенанту Юрченко В. Н),
инициатору и участнику строительства храма иконы
«Похвала Пресвятой Богородицы» в г. Самара*

*Не существует человеческой славы,
как не существует человеческой силы.
Твои есть и сила, и слава, Отче наш.*

Святитель Николай Сербский

1

В каждой жизни имеется веха,
Важный знак наших прожитых лет,
Подвиг жизни — не искры успеха,
А горящей свечи ровный свет.
Этим светом и душу наполнил:
«Вера в Бога, не просто обряд» —
Навсегда те слова я запомнил,
И отца Митрофания взгляд.
А дела его с верой достойны,
Ведь он выполнил данный обет —
Храм погибшим в локальные войны —
Обелиска почетнее нет.

2

Наша встреча с отцом Митрофаном,
И рассказ его, помнятся мне.
С чистотой, не заросшей бурьяном,
Говорил он со мной о войне.
Помню вечер, корму теплохода,

И гудка, чуть охрипшего, бас,
Пролетели над Волгой три года,
Но, как прежде, я слышу, рассказ.
«По затихшему лесу, ущельем
Выводил я отряд на Бамут.
Горы ночью наполнены зельем:
Трав настой и дурманен, и крут.
Лишь ручей свои песни картавил,
Отвечал ему скрипом песок,
Я вниманье немного прибавил —
Замечаю — светлеет восток.
Вспыхнул луч, и листва озарилась,
Серебром заблестела роса.
Перед нами долина открылась,
Что за чудо природа — краса!
Улыбались рассвету солдаты,
Скоро кончится долгий маршрут.
Но в кустах — оребренье гранаты
Я заметил, — держал ее прут.
Огляделся, и ужас холодный
Меж лопаток почувствовал вдруг.
А на гору кивает мне взводный:
«Погляди, обложили вокруг».
Сжал в кулак для сигнала я руку,
И наружу поднял — «Все молчать».
Как предателю, каждому звуку,
Мне хотелось поставить печать.
Здесь не выйти отряду в долину,
Пулеметы устроят нам душ,
Направляют и целятся в спину
Два чеченца, а с ними ингуш.
Тишь нарушена криком гортанным:
«Вот и все, командир, это край!
Будешь гостем Аллаху желанным,
Наш «Салам» ты ему передай».
Как сейчас вижу эти ухмылки,
Отвращенье со злобою глаз.
Но не дрогнули в страхе поджилки,
«Прорываться» — я отдал приказ.
По цепи передали: «К атаке!»,
Нам поможет внезапный бросок,
И сольется листва с нашим хаки,
Шум от бега заглушит песок.
Пьем рассвета прохладу и воздух
Из ущелий и каменных чаш,
Горы молча торопят: «Не поздно!»,
И кричу я бойцам: «Отче наш!»
Застучали, затренькали пули,
Зашипели, кусая листву.
Мы огромный валун обогнули,

И упали, скрываясь, в траву.
Ощутили дух листьев и пота,
А в глазах, словно трассеров след,
Отдышалась от бега пехота,
И готовила «чехам» ответ.
Залегли, приготовились к бою,
Но огонь постепенно затих,
И вдоль скал каменистой тропой,
Мы ушли торопливо от них.
После боя курили, не веря,
Каждый вспомнил о доме и мать...
Обманули мы «чеха», как зверя,
Снайперов не так просто им взять.
Солнца круг продолжается снова,
Мы ушли, не имея потерь.
Есть в молитве — спасения слово,
Так, что в Бога я верю теперь.
И не может с тех пор позабыться
«Отче наш!» вместо крика «Ура!».
А солдаты решили креститься —
Смерть им в очи глядела вчера.
После боя — душевные шрамы,
Но мы крепче сомкнули свой строй.
В древней лавре, под сводами храма
Нас крестил иерей полковой.
И приняв Православья крещенье,
Все ребята мне стали родней.
А «зачистки», ведь это не мщенье,
А лишь верность присяге своей.
Отслужив, уходили солдаты,
Навсегда, возвращаясь, домой.
Дни войны, расставанья, утраты,
Бой в горах — остаются со мной.
И ты знаешь, я принял решение —
Храм построить погибшим бойцам.
Эту дань Православью с терпеньем,
Пока жив на земле, я отдам.
Обращаясь с мольбой на икону,
Укрепить память павших, клянусь.
По извечному жизни закону,
Веры в Бога с тех пор я держусь».
Генерал помолчал, улыбнулся:
«Вот такие дела мои, брат,
Хоть изранен я, но не согнулся,
Крепок духом и костью солдат.
Повезло мне с судьбой офицерской —
Все «горячие точки» — мои,
И в афганской войне, и в чеченской
Оставляли мне раны бои.
И друзей своих лучших немало

Я за годы тех войн потерял...»
А закат раскаленным металлом,
По-над Волгой вдали догорал.

3

В храме тихо. Лампады и свечи
Освященная церковь зажгла.
Колокольня расправила плечи
И округа под звон ожила.
Сам Владыко, свершая молитвы,
Говорил о погибших бойцах:
«Им в локальных сраженьях убитым
Наша вечная память в сердцах.
В этом храме молитва о павших —
Наша дань, но она так мала.
А за то, что призрит воевавших —
Богородице будь Похвала».
По проспекту машины, машины...
Все навстречу осенним ветрам.
А шатер колокольни-вершины
Украшал новосозданный храм.

Ольга Борисова
(г. Самара)

Борисова Ольга Михайловна – поэт и переводчик поэзии с болгарского и французского языков. Родилась в г. Ахтубинске, Астраханской области. Сейчас проживает в г. Самара. Член Союза профессиональных литераторов России. Автор книги стихов «Как мимолетен день», участник 14 коллективных поэтических сборников. Дипломант международных конкурсов поэтических переводов. Победитель 35 Международного поэтического конкурса «Цветочные игры в Пиренеях». Стихи Ольги Борисовой переведены на болгарский и французский языки.

СРЕДИ КАМНЕЙ НА ГОРНОМ СКЛОНЕ

Среди камней на горном склоне,
Раскрылся маленький цветок.
Его прозрачный стебелек
Склонился в царственном поклоне,
Дрожащий вытянув листок.
И зазел благоуханный,
Найдя в расщелине приют,
Где ветры шумные поют,
Хребты седые и бездыханны,
И цепко мхи наверх ползут.
И вижу, потянулся к свету,
Живя судьбе наперекор,
Среди высоких стальных гор...
Стремится и душа поэта
Из тесных рамок, на простор!

МОРЕ

Стою у причала, смотрю на волну,
И жду из пучины я лодку одну.
Вздымаются волны одна за другой,
Спеша из стихии ревущей морской.
Подъемлются буйно они до высот
И падают шумно на берег-оплот.
Какие же силы ворочают вас,
Бросают на скалы, дробя тот же час?
Быть может, чудовище бродит по дну,

Колышет стальную его глубину?
Нептун ли оставил свой царственный трон,
И вышел, как прежде, на промысел он?
Коварное море, не тронь рыбака,
Не трогай любимого мной моряка.
Дождусь я его этим бурям назло,
Умел он и знает свое ремесло.
Но вот огонек показался вдали,
На берег лодчонку ветра принесли...

РАСШАЛИЛИСЬ ВЕТРЫ ЗЛЫЕ...

Расшалились ветры злые,
Грустью студят сердце мне.
Как и раньше в дни былые,
Все пророчат, как живые —
Сгинешь в дальней стороне.
Позабыва вешим Фебом,
Утомленная от дум,
Вспоминая быль и небыль,
Проклянешь устало небо
И разнеженный свой ум.
И прельстят утехой света,
Шумом праздной суеты,
Не найдя всему ответа,
Славой лестною согрета,
Отречешься от мечты...
Ветры злые, вы напрасно
Не шумите. Жизнь — борьба!
И кипуча, и прекрасна,
Ветрам это не подвластно,
У меня своя судьба.
И иду. Крута дорога,
Стук шагов на мостовой...
Крест несу, живу я строго,
Слаблю день и слаблю Бога,
Рядом — Ангел часовой.
Дом люблю, уединенье,
Дни трудов моих благих.
В храм хожу по воскресеньям,
И лелею вдохновенье,
Сотворю я новый стих.

ЧИТАЯ СТИХИ...

С каким всегда благоговеньем
Беру я в руки том стихов.
Читаю громко, с упоеньем,
Найдя себе в нем вдохновенье,
Среди живых и теплых слов.

Языков, Батюшков, Жуковский —
Превознесли святую Русь.
И грусть полей воспел Полонский,
И громко вторил Маяковский:
«Страною этою горжусь!»
И славлю я леса и доли,
Под небом синим — тополя.
Пою, как ветры свищут в поле,
И колосится рожь на воле,
Как хороша моя Земля!
И может быть, потомки наши,
(лет через сто и я сгожусь),
Оценят труд, сказав без фальши:
«Творил поэт здесь настоящий,
Который чтит и жизнь, и Русь!»

ОТШЕЛЬНИК

Всем святым, в земле Русской просиявшим.

«Праведник смел, как лев» [Пр. 28, 1]

Холмы, поросшие лесами:
Колючий ельник, бурелом.
Там на пеньке грустит часами
Лешак с печальными глазами,
И шумно совы бьют крылом.
Змеится узкая дорога.
И скит стоит с далеких пор,
Где, прославляя день и Бога,
Отшельник в рубище убогом
Обрел здесь некогда затвор.
С молитвою в тиши глубокой
Он нес с усердием труды
Вдали от суеты, пороков
И лести, правды кривобокой,
Людской убогости, вражды.
Спешили к праведнику звери,
Слетались птицы на порог.
И осаждал аркуда* двери,
Казалось, что хотел проверить:
Быть может, старец занемог,
И вынесет ли снова хлеба,
Положит ли кусок на пень?
Медвежий ритуал и треба**,
Как дань, зверюге на потребу,
Иль угощение на день.
И навещали часто бесы,
И рыкали: «Покинь сей скит!»

* Аркуда — медведь (древнеславянский).

** Треба — здесь просьба.

Лукавых зlobны интересы,
Видения — сценарий пьесы,
Но от креста и бес бежит.
Народа славный благодетель
Сносил все тяготы свои.
За землю Русскую радетель,
Преумножая добродетель,
Он показал пример любви.
Над лесом высится и ныне
Отшельника убогий скит.
Сияет он под небом синим,
Слывет народною святыней,
И тихой славою звенит.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

НОВОГОДНИЕ СТИХИ

Будьте щедрыми, люди, по-русски
За своим новогодним столом,
Чтобы гости хвалили закуски,
Запивая игристым вином!
Чтобы радость в бокалах искрилась,
Все печали остались в былом.
Чтобы полночь, как Божия милость,
Вас с друзьями свела за столом!
...Пусть Ваш опыт духовный и зренье —
Впредь забудут о распрях и зле,—
Чтобы их вековечные звенья
Не затмили добро на Земле!..
Пусть весельем румянятся лица,
Добрый ангел хранит сыновей!

Чтобы ночь полыхала в зарницах
Фейерверками звездных огней!
...Будьте счастливы, люди, как дети,
Отодвинув невзгод череду,
Чтобы мир наступил на планете
В наступающем Новом году!

В НОВЫЙ ГОД (Взгляд из детства)

Горели свечи среди бела дня,
И солнце пахло спелым апельсином.
...Нежданно деда рассмешил меня,
Назвав при встрече не внучком, а сыном.
Мы с ним столкнулись около кафе,
Где я на горке ледяной катался.
Мой деда был под легоньким «шафе»
И всем красивым тетям улыбался.
Они ему дарили свой привет —
Снежки бросали и смеялись звонко.
Как будто с ним знакомы много лет,—
Вели себя, ну просто как девчонки!..
Я деду тряс стыдливо за рукав,
Чтоб вел себя на улице прилично.
...Но взгляд его был весел и лукав:
Был Новый год — и значит, все отлично!

НА РОЖДЕСТВО

1

Мглистый день, продрогнув к вечеру,
Будит зябко тишину.
Но вселенского диспетчера
В январе я не клянчу...
Хоть в прогнозах стал он путаться,—
К ним относится с ленцой,—
Не в первой нам в шубы кутаться
И скакать весь день трусцой...

На промашки его зимние
Нам укажет божий перст.
...Глянь! — И впрямь в искристом инее
Рождество царит окрест!

2

Воздух хрустящ и по-зимнему сладок,—
Как карамель.
Вновь закружил нас и внес беспорядок
Праздничный хмель...
Весело, людно в такие минуты —
Сердце поет.
Бог, разорвав наши тяжкие путы,
Крылья дает...
Души светлеют в морозную роздымь
От волшебства.
Небо становится гулким и звездным
В дни Рождества...
Теплятся свечи на горних * иконах —
Мир и покой.
...Кается исповедально в поклонах
Грех наш людской.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Скачут звонко кони синие,
Ленты ярко развеваются.
Свадьба вытянулась в линию —
С небом санный путь сливается...
А зима, сверкая красками,
Озаряет свадьбу вымыслом —
И с поклонами, побасками
В рушнике ей солнце вынесла.
...Мчится! Мчится свадьба зимняя!
В колокольчиках, бубенчиках! —
Это Русь-невеста в инее
С Рождеством в мороз обвенчана.

* Горний — небесный.